

Человеческое. Слишком человеческое?

«Загадки Сталина» – новый цикл Радзинского

Общая оценка - 1990 - 17
оценок - 12

Лев АННИНСКИЙ

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что после грозы на черном фоне отлетевших туч сидит на стекле большой спавшийся добрый, мохнатый, рыжий мотыль.

Вот так на ледяное, обесилывающее, отлетевшее в бездну ковровое обаяние Сталина накладывается теплая домашняя телегения Радзинского. Не надо обманываться несопоставимостью этих фигур – в масштабе телеэкрана они взаимодействуют вполне соразмерно. Первый – отошел, отбросил гигантскую тень, превратился за полвек (почти) после его смерти (или гибели?) из объекта безумной любви в объект яростной обиды; ему поставили в строку все: даже рябины на щеках, даже сросшиеся пальцы. Для многих только это от него и осталось теперь: абстрактный умопостигаемый ужас. Его – «нет».

Есть Эдвард Радзинский – опытный драматург, закаленный перо в пожарах Нерона и ваннах Сенеки, блестящий биограф царей и расстриг, бесспорный лидер среди нынешних телеведущих, человек, увидеть и услышать которого собираются у «ящиков» миллионы.

Он знает секрет телегении. Он сидит в кабинете Сталина на «ближней даче» в Давыдовке. «Вот здесь, где в марте 53-го мой герой лежал возле столика тринадцать с половиной часов и тешно ждал помощи...»

То, что было в марте 53-го, в марте 37-го, в марте 17-го и в другие роковые «иды» истории, – дано в телесериале мгновенными безадресными архивными нарезками. Параллели, съезды, казни. Портреты палачей-жертв. Как бы вскользь, на грани небрежности. Иной раз успеешь зацепиться взглядом и вдуматься: среди «жертв сталинских репрессий» у них Бердяев, а в «вождях партии» – Тухачевский. Но режиссеру Алексею Мурадову это не важно. Он врезает черно-белые, свинцовые «пунк-

тиры» хроники – просто чтобы отвлечь ближайший, нынешний, подкупающе теплый крупный план: размышляющего Радзинского.

Радзинский сидит в кресле Сталина и рассказывает о своем герое со смесью ужаса и изумления. Тут, конечно, техника чисто актерская: паузы, онемения, чуть заметные пожатия плеч, виноватые, прикрывающие омерзение улыбки. Как опытный актер, Радзинский знает: надо переживать всерьез. И он переживает всерьез – драматург Радзинский, архивист Радзинский, человек Радзинский, успевший в детстве и юности хлебнуть «культу личности».

Более всего он в этом монологе – драматург. Он находит ту тончайшую грань между историческими химерами (вроде «мировой революции» и прочих канонических форм поклонения) и ярлыками («тиран», «убийца партии», «агент охранки»), которыми заклеймили Сталина. Радзинский между этими зонами проходит по ниточке, аккуратно разматывая клубок чисто человеческих отношений, ставивших характер «вождя» и «тирана». Хватка драматурга.

Может, Сталин и в семье был тираном? Нет, любил свою избранницу, как романтический герой. Горевал, когда умерла, вылечить не сумел – не было денег на лекарства. Как не было? Ведь числился в партии как главный спец по ограблениям государственного банка! Партии огромные деньги переплавлял! Да, партия переправляла, а себе – не оставлял. Может, он вторую свою жену застрелил? Нет, любил ее воистину, сама застрелилась, горевал по ней.

Но он был агентом царской охранки?! Да, был. Для этого не нужно даже потрясать разоблачительными документами (большинство которых, как знает Радзинский, сфабрикованы позднейшими разоблачителями). Достаточно вдуматься в общеизвестные факты: в то, с какой легкостью совершал его герой бесконечные побеги из ссылки, как он запросто пересекал границы (он – с его грузинским лицом, с чу-

Четырехсерийная программа Эдварда Радзинского «Загадки / Сталина», по всем рейтингам, стала хитом недели. «Кассовое» название сработало: в первый вечер передача собрала максимальную аудиторию – 23 процента, далеко позади остались популярные «Час пик» и «Угадай мелодию». На следующий вечер треть публики уже не вернулась, сообразив, что «загадок» не будет, а будет очередная «наезд» на кумира. На третью серию зрители стали понемногу возвращаться, несмотря на одновременно идущий футбол Россия – Израиль, и к концу передачи аудитория достигла 17 процентов. Последняя загадка собрала умеренную аудиторию, большая часть предпочла «Побег из Нью-Йорка» по НТВ. Короткий всплеск – все же, убит или не убит? – случился в конце передачи, когда аудитория достигла 18 процентов. Для сравнения: «Время» в этот вечер собрало уже 21 процент зрителей. Данные НИСПИ.

довишным акцентом и... с русскими паспортами!). Разумеется, в партию он был «внедрен» полицией, в чем последняя и была уверена. Но одновременно в полицию он был «внедрен» партией, и Ленин это отлично знал. Как знал это и о Малиновском. Двойной агент – феномен XX века: не в том дело, кто кого обьегорил, а в том, что перетянет. Как в случае Азефа: кому от него вреда больше – эсерам, которых он выдавал на расправу жандармам, или жандармам, которых он выдавал на расправу эсерам.

Когда полиция поняла, что их «агент» служит больше ее врагам, чем ей, она зашвырнула его в Туруханский край, где он скис и готовился умереть. Но был вырван оттуда вихрем революции.

В революции, считай, не участвовал: ни в Февральской, ни в Октябрьской. Его «не видели». Он не был специалистом по раскачиванию государственной лодки и переворачиванию оной – он требовался ПОСЛЕ переворота, когда надо спланировать обломки и соорудить нечто устойчивое.

Он это Ленину и соорудил после Октября. И Ленин, отпавший от дел по болезни, хвативший, что власть ушла из рук, – когда попытался расшвырять обнаглевших соратников, деливших его «кафтан», – вынужден был признать, что на общем их фоне Сталин – самый лучший, самый надежный и самый верный.

Он таким и был. Перешагнул через личный скандал из-за Крупской: дело дороже. И Ленин пере-

шагнул. Ленин-то понимал, что вся эта высшая партийная камарилья будет грызться, пока кто-то один не перервет глотки всем остальным, – он просто угадал, кто это будет: кому передать страну, чтобы на ходу не развалилась.

Сталин и не дал развалиться. «Бунтарь», ставший «тираном», – все это общие слова, о которых еще Платон две с половиной тысячи лет назад, что это банальность. Человеческий фактор – вот реальность. Они все ненавидели и боялись друг друга: Троцкий, Зиновьев, Бухарин... Кровавые теоретики: разлагательствовали, красовались. А он работал, как пек. Верный пес системы. Потому он их и одолел. И народ поддержал его: народ только и ждал команды «Бей!». Он и скомандовал, другие не решились. Даже и потом, на XVII съезде, не решились открыто противостоять ему: хотели свалить втемную, тайным голосованием. Он понял: систему надо дочистить. Он этих говорунов уничтожил, а они, умирая, одобряли свое уничтожение. Потому что он делал то, что они ХОТЕЛИ БЫ делать, да духу не хватало.

У него – хватил духом: выстроил крепость.

Даже и в последний год жизни – как опытный воин, поднялся для решающей схватки. С виду старик; на XIX съезде едва вытянул пятиминутную речь, а за кулисами – начал очередную страшную разборку. Тюрьму выстроил для ближайших соратников – извести хотел.

Не потому, что был не согласен по каким-то там «проблемам», экономическим или языковедческим, а потому, что соратники ослабели, обмякли, распустились после войны. А он хотел довоевать. Знал: или сейчас – или никогда. После 1945 года у него под рукой – сильнейшая армия, и это преимущество вот-вот растает. Успеть!

Не очень важно, отравили они его или не отравили, догнал ли его в коридоре какой-нибудь «Хрустале» со шприцем или он сам грохнулся на ковер, когда этот «Хрустале» отправил охрану спать. Вообще все эти версии об убийце, пробравшемся на дачу, слишком громоздки и срезаются «бритвой Оккама». Суть-то Радзинский видит безошибочно. Они, немевшие перед ним от ужаса, просто ждали, когда его хватит удар, и дожались, и тогда – дали ему подохнуть там, на полу, на ковре, у столика, до которого он пытался доползти.

Вот и все. Человеческое, чисто человеческое. Я излагаю сюжет, который драматург Радзинский извлек из мутной жижи марксистских и антимарксистских разводов вокруг Сталина и из свалки личных поношений в его адрес, которыми идеологи открещивались от бывшего поклонения ему.

Но если Радзинский так отчетливо видит логику произошедшего, если даже попутные детективные версии и гипотезы, вроде «исчезнувшей части» ленинского завещания или предполагаемого «убийцы» на даче, не могут его. Радзинского, отвлечь от бритвенно-ясного сцепления исторических и личных событий, – тогда что означают эти округляющиеся от ужаса телегенные глаза и эти извиняющиеся улыбки Авгура, «не решающегося» произнести правду?

Они означают одно: у всего этого апокалипсиса есть некая коренная причина, о которой Радзинский не говорит.

Но он о ней знает.

Как честный интеллигент, входящий к миллионам телезрителей, он в этом признается.

Звучит это приблизительно так: – Самый трагический и самый великий период в его жизни я

обойду. Это – Великая Отечественная война. О ней нужна отдельная серия передач. Главный вопрос: а другим полководцем – менее жестоким, менее беспощадным, менее непоколебимым – могла ли страна одолеть Гитлера? На этот роково-вопрос у меня нет ответа...

У меня тоже нет. Но есть аналогии и параллели. С «менее непоколебимым» Россия не одолела Вильгельма. А если бы Россия не одолела Гитлера – Радзинский не делал бы сейчас телепередачу, не писал бы пьес и книг и не ездил бы по всему миру, собирая лавры. Скорее всего он лежал бы во рву. Как и я.

Можно, конечно, увенчать телепередачу из Апокалипсиса, проинеся от имени Господа Бога эпитафию некоему «Вавилону», некоему мировому «проекту», который пытался осуществить «тиран», но, счастью, не преуспел.

Да, в «проектах» и «Вавилон» недостатка не было, и возводили их в речах и на бумаге те самые мировые революционеры, которые кривались во главе толп и звали кровавой борьбой, а сами боялись наступить на бабочку. Реальность была страшной и проше: Россия, переломанными руками и ногам выполняющая из двух мировых войн испытала это на себе.

Зачем угодно было «Господу Бгу» насладиться на нас два немецких и шестивия – это вы у «Господа Бога» и спросите. Он знает.

Но не делайте вид, что вы хотите спросить ЭТО с грузинско-лашарони, логикой борьбы занесенного на российский трон и логикой той же борьбы выстроившей «величайшую империю XX века».

Телевизионный результат: человек, инженер душ, советский драматург (свежая самохарактеристика Эдварда Радзинского с расширившимися от ужаса глазами) проходит через минное поле мировой истории, вызывая вполне объяснимое сочувствие и не вполне объяснимое глухое раздражение прикованных к телеэкрану зрителей.

45-01-14-10-94
Радзинский Эдвард